

Максим Власов

Держу тебя

**Для мам, которые
справляются сами**

Максим Власов

Держу тебя

<https://litres.ru/74135144>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это честная история о материнстве без глянца и героического пафоса. Книга для мам, которые растят детей сами и каждый день преодолевают себя. Она полезна тем, что снимает ощущение одиночества и учит находить силы, когда их нет. Роман показывает, как важно не закрываться от людей из страха и беречь себя ради ребёнка. Это текст о повседневном труде, о страхе повторить чужие ошибки и о настоящем материнском счастье, которое рождается из любви и тихого доверия.

Содержание

Глава первая. Две полоски	4
Глава вторая. Пока он был	27
Глава третья. Он просто исчез	51
Глава четвёртая. Роды	75
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Максим Власов

Держу тебя

Глава первая. Две полоски

Март в этом году не спешил становиться весной.

Он пришёл как нелюбимый гость — замер на пороге, не решаясь войти. Холодный, серый, несущий запахи мокрого асфальта и прошлогодней листвы, которая всю зиму покоилась под снегом, а теперь скопилась вдоль тротуаров бурыми спрессованными пластами. Кое-где — в тени, у заборов, под деревьями — ещё оставался снег: грязный, ноздреватый, похожий на куски старого поролона. Солнце выглядывало лишь к полудню и светило тускло, без тепла, словно голая лампочка под потолком: свет есть, а согреться невозможно.

Таня ехала в метро. Восьмой вагон, третья дверь от хвоста — она всегда садилась именно здесь, потому что на «Студенческой» этот выход оказывался точнехонько напротив нужного перехода, избавляя от необходимости пробиваться сквозь толпу. Крошечная привычка из тех, что складываются сами собой, но быстро становятся незыблемыми ритуалами. Кажется, шагни ты однажды в четвёртую дверь и весь день непоправимо пойдёт наперекосяк.

Вагон был забит до отказа: утренний час пик еще не по-

шёл на спад. Хотя первая пара начиналась только в девять, а Таня выходила из дома без десяти восемь, она неизменно попадала в это людское месиво — среди чужих рюкзаков, тяжёлых пальто, заспанных лиц и душного запаха чужого утра. Прижавшись к дверям и крепко держась за поручень, она смотрела в тёмное стекло. За окном мелькали редкие жёлтые огни тоннеля — ритмичные и размеренные, точно удары пульса.

В наушниках негромко звучала музыка. Включив утром случайный выбор треков, теперь она слушала медленную фортепианную композицию без слов. Идеальный аккомпанемент для подземки: этот мотив не требовал внимания, а просто оставался рядом. Словно молчаливый попутчик, с которым не нужно вести пустые разговоры, чтобы разогнать одиночество.

Мысли Тани текли лениво и хаотично. Она вспоминала, что сегодня намечается практика по методике, к которой следовало разобрать статью Выготского. Дочитать ее вчера так и не удалось: она отвлеклась, а в половине двенадцатого и вовсе заснула прямо над раскрытой страницей. Потом размышляла о том, что на обратном пути придется зайти за гречкой и луком — дома шаром покати. Мама накануне божилась заглянуть в магазин, но, конечно же, забыла. Дело привычное, однако каждый раз почему-то немного укоряющее.

Мысли о Диме приносили облегчение — они были легки-

ми, тёплыми, как думы о чем-то привычном и надёжном. На субботу они договорились встретиться. Он звал в кино, но Тане не хотелось сидеть в душном зале — лучше бы просто пройтись пешком. Стоит сказать ему об этом, и он уступит. Он всегда соглашался.

Таня ценила эту его уступчивость и деликатность. Дима никогда не настаивал на своём, умел слушать по-настоящему — не перебивая, не косясь поминутно в экран телефона и не притворяясь внимательным, пока мысли блуждают где-то далеко. Ей встречалось слишком много людей, неспособных к диалогу, — среди её однокурсников таких было большинство. Дима же оставался редким исключением: когда она говорила, он действительно слышал. Это казалось почти чудом, и Таня бережно хранила это ощущение, как прячут хрупкую драгоценность — не выставляя напоказ и лишней раз не тревожа.

Состав резко сбросил скорость. Двери распахнулись — «Парк культуры». В вагон хлынул поток людей, и Таню сильнее прижало к поручню. Она поспешно перевесила сумку вперёд, через плотную ткань проверила карман: телефон на месте, не обронила.

Впрочем, в боковом кармашке на молнии лежало кое-что ещё. Кое-что, о чём она отчаянно пыталась позабыть весь остаток утра.

Но не думать об этом не получалось.

Тест она купила вчера.

Зашла в аптеку почти случайно — просто шла мимо, и вдруг, повинуясь внезапному порыву, свернула к дверям, словно кто-то взял её за плечо и решительно направил внутрь. Она стояла перед витриной с тестами на беременность: их было много, самых разных, с пёстрыми обещаниями на упаковках. «Точность 99%», «Результат через минуту», «Определяет на ранних сроках». Она выбрала самый обычный. Выложила на кассовую ленту. Расплатилась. Сунула в сумку, не глядя на кассиршу — впрочем, та смотрела равнодушно. Ей было всё равно, за смену через ее руки проходили сотни таких тестов и тысячи других товаров, и эта покупка оставалась лишь очередной строчкой в чеке.

Вечером Таня достала тест из сумки. Посмотрела на упаковку. Положила на полку в ванной. Почистила зубы. Легла спать.

Шел десятый день задержки.

Она считала. Не сразу начала считать — поначалу убеждала себя, что это просто сбой. Что виноват стресс, что вымотала тяжёлая зимняя сессия, что так бывает. «Бывает» — удобное слово, которым можно прикрывать всё пугающее, и какое-то время оно действительно выручает. Выручало и её. Вплоть до вчерашнего утра.

Потом перестало.

Она проснулась в шесть утра — сама, без будильника. Мама то ли еще не пришла, то ли уже ушла, в квартире стояла звенящая тишина. Таня лежала на спине, смотрела в пото-

лок и думала: надо просто это сделать. Просто сделать и наконец узнать. Потому что не знать — гораздо хуже. Не знать — всё равно что ждать приговора в коридоре суда: страшно, но этот страх хотя бы имеет границы. А неизвестность — это когда тебя держат в этом коридоре бесконечно, не вызывают, не отпускают, просто заставляют ждать.

Она встала. Взяла тест с полки. Потом положила обратно. Потом снова взяла.

Инструкция была написано безобразно мелким шрифтом. Таня перечитала её дважды, пытаясь ничего не пропустить, хотя там не было ничего сложного, только то, что она и так прекрасно знала. Результат через пять минут. Одна полоска — отрицательно. Две — положительно.

Она сделала тест. Положила на край раковины. И устави-лась в стену.

Стена была самой обычной — белый кафель, кое-где со сколами по краям. Одна плитка треснула ещё года три назад, трещина шла наискосок. Таня знала её наизусть, как знают любую мелочь, на которую подолгу смотришь изо дня в день. Она смотрела на трещину. Считала про себя: один, два, три. Сбивалась. Начинала снова.

На пятой минуте она опустила взгляд на тест. Две полоски.

Она взяла пластиковую полоску в руки. Поднесла ближе к глазам. Вторая линия была чёткой — не бледной, не сомнительной, а пугающе яркой. Она ещё раз пробежалась глаза-

ми по инструкции: «Две полоски, даже бледные, означают положительный результат». Эти бледными не были.

Таня опустила руку с тестом. Потом подняла снова. Потом положила его обратно на край раковины и вышла из ванной.

На кухне она машинально набрала в чайник воды и зажгла газ. Замерла у окна. За стеклом брезжило раннее утро — серое, сиротливое, пустое. По двору шёл мужчина в застёгнутой наглухо куртке, рядом трусила собака — то и дело отбегала к сугробам и тыкалась носом в наст. Таня невидящим взглядом провожала собаку. Потом мужчину. Потом уставилась в пустоту между ними.

Чайник засвистел. Она услышала не сразу — так и стояла, глядя сквозь стекло. Потом резкий звук всё же пробился сквозь оцепенение. Она выключила газ. Налила кипяток в кружку. Забыла бросить чайный пакетик.

Так и пила пустую горячую воду маленькими, обжигающими глотками, словно в этом и заключался сейчас весь смысл жизни — пить кипячённую воду и смотреть в окно.

Мужчина с собакой скрылся за углом. Двор опустел.

Второй тест она купила в другой аптеке — подороже, от другого производителя. Не потому, что не верила первому. Просто по дороге на пары ноги сами свернули с привычного маршрута, глаза механически выбрали новую упаковку, а руки потянулись к кассе, чтобы оплатить.

Она сделала его в институтском туалете. Заперлась в крайней кабинке, а затем долго стояла у раковины, не отрывая

взгляда от белой пластиковой полоски. Пальцы слегка дрожали — самую малость, словно от холода, хотя в помещении было тепло.

Результат оказался прежним.

Таня смотрела на тест дольше, чем требовалось. Потом аккуратно завернула его в бумажное полотенце, опустила на самое дно мусорного ведра и открыла кран. Вымыв руки, она подняла глаза и посмотрела на себя в зеркало.

Из глубины стекла на неё глядело собственное отражение: Таня Морозова, двадцать лет, третий курс педагогического, будущий учитель русского языка и литературы. Тёмные волосы, наспех собранные в хвост — утром она слишком торопилась, чтобы оставлять их распущенными. Аккуратный нос, который ей в себе нравился, чего нельзя было сказать об ушах: их Таня считала излишне крупными, хотя никто и никогда не делал ей подобных замечаний. Серые глаза, казавшиеся сейчас темнее обычного.

Она пристально вглядывалась в свои черты и думала: «Это ты. И внутри тебя сейчас, судя по всему, растёт что-то крошечное. Ещё совсем маленькое, но оно растёт».

Из коридора донёсся отчетливый стук каблуков по кафелю — кто-то приближался к туалету. Таня поспешно закрыла кран, подхватила сумку и шагнула к выходу. На пороге она едва не столкнулась с Альбиной Сергеевной, преподавательницей педагогики. Та на ходу изучала что-то в экране телефона и мазнула по Тане рассеянным взглядом, чисто

механически кивнув. Таня ответила на приветствие и поспешила в аудиторию.

Она заняла своё привычное место. Достала тетрадь. Открыла её на чистом развороте.

Написала дату.

Больше ни одной строчки вывести не смогла.

Воспоминания о том, как они познакомились с Димой, нахлынули сами собой, пока она сидела на лекции и делала вид, что прилежно конспектирует.

Это случилось пять месяцев назад. День рождения Светки Кузнецовой — они вместе учились на первом курсе, потом Светка перевелась на другой факультет, но они по-прежнему созванивались и изредка встречались.

Таня пришла позже остальных: автобус намертво встал в пробке. Понимая, что катастрофически не успевает, она предупредила подругу, но та лишь отмахнулась: «Ничего, всё в порядке, приходи». В квартире уже вовсю гремела музыка, было людно, лица мелькали сплошь незнакомые, а стол ломился от угощений. Таня сразу почувствовала себя не в своей тарелке — она терпеть не могла подобные шумные сборища, где полагалось натужно улыбаться малознакомым людям и без конца отвечать на одни и те же дежурные вопросы. Отыскав уголок поуютнее, она налила себе сока и достала из сумки книгу, которую всегда носила с собой на всякий случай.

Это был роман «Мастер и Маргарита». Таня перечитыва-

ла его уже в третий раз и всякий раз открывала для себя новый смысл. Сейчас её особенно занимал Понтий Пилат — его изнуряющая головная боль, его трусость и мучительное бессилие поступить так, как он сам считал правильным.

— Хорошая книга, — раздался голос совсем рядом.

Она подняла голову. Перед ней стоял парень лет двадцати двух: высокий, в тёмно-синем свитере. Не красавец в классическом понимании — нос чуть великоват, брови излишне густые, — но лицо интересное, живое и очень выразительное. И смотрел он без привычной для таких вечеринок пошлости — просто с искренним любопытством к человеку, который его заинтересовал.

— Читал? — спросила она.

— Раз пять, — улыбнулся он. — И каждый раз за Пилата обидно.

Таня взглянула на него с нарастающим интересом.

— «Обидно» — точное слово, — согласилась она. — Большинство ведь его просто осуждает.

— Осуждать легче всего, — ответил парень. — Но он ведь прекрасно понимал, что совершает предательство. А это куда мучительнее, чем действовать вслепую.

В итоге они проговорили до самого конца вечера. Сначала спорили о романе, потом перешли на другие книги. Чуть позже выяснилось, что он тоже любит фортепианную музыку. Когда Таня заметила, что в их возрасте это большая редкость, он рассмеялся и парировал: настоящая редкость —

это девушка, читающая Булгакова в углу на шумной вписке. Его звали Дима. «Дмитрий Олегович Соколов», — со смешливой строгостью представился он, протягивая руку.

Он вызвался проводить её до дома. Выйдя на улицу, они поняли, что им почти по пути, и решили пройтись пешком. Несмотря на промозглую октябрьскую прохладу, они шли и разговаривали без умолку, иногда перебивая друг друга, тут же извиняясь и смеясь. У её подъезда они простояли еще целый час. Наконец Таня произнесла: «Пожалуй, мне пора». — «Пожалуй», — согласился он и негромко добавил: «Можно я тебе напишу?»

Она оставила ему свой номер.

Утром на экран пришло сообщение: «Доброе утро. Как ты?» Просто так. Без глупых предлогов и дежурных фраз в духе «кстати, хотел сказать». Обычное проявление заботы. Таня лежала в постели, сжимая в ладони телефон, и улыбалась той сокровенной, смущенной улыбкой, какая появляется, только когда тебя никто не видит.

Потом были цветы — без всякого повода, в самую обычную среду. Он встретил её после пар, пряча за спиной пять ярко-жёлтых тюльпанов. Позже она спросила, почему именно жёлтые. Он ответил: «Потому что ты вечно ходишь в темном, хотелось подарить тебе немного солнца». Таня стояла с этим букетом и от растерянности не могла вымолвить ни слова. Просто прижимала их к себе.

Затем начались долгие, бесконечные разговоры. Они мог-

ли беседовать часами, и Тане порой казалось, что это какое-то чудо: ведь рано или поздно общие темы должны иссякнуть. Но они не заканчивались. Дима часто повторял: «Ты особенная». Говорил: «С тобой всё иначе». А однажды ноябрьским вечером, когда они сидели на набережной и она зябко куталась в шарф, он тихо произнес: «Я хочу, чтобы ты была рядом. Всегда». Это слово — «всегда» — врезалось ей в память. Она бережно хранила его в душе, как хранят тепло собственных ладоней на лютom морозе.

Она верила ему. Она вообще умела верить. Точнее — ей отчаянно хотелось верить, и одного этого желания хватало, чтобы закрывать глаза на то, чего замечать не следовало.

Отца она не знала вовсе — он ушёл из семьи, когда Тане едва исполнилось три года. Его лица в памяти не осталось, сохранилось лишь смутное детское ощущение чего-то большого, надёжного и пахнущего табаком. Мама упоминала о нём неохотно и всегда отрывисто: «Он не стоит разговоров». Мужчин в их доме сменялось много — проходящие, уходящие, случайные лица, ни одно из которых не задерживалось надолго. Из-за этого Таня росла с твёрдым убеждением: мужчина рядом — это явление временное, нечто промежуточное, «до поры до времени».

Но Дима казался совсем другим. Возможно, потому, что ей слишком сильно хотелось, чтобы он им был.

Хотела — и она верила. Просто верила.

После пар она решила пройтись пешком. Специально на-

метила маршрут подлиннее — остановки три, чтобы просто побыть на воздухе и подышать. В голове не складывалось ни одной четкой мысли, только колыхалось какое-то вязкое, тягучее марево, не оформлявшееся в слова. Март давил низким серым небом, под ногами хлюпало. Таня старалась обходить лужи, но не всегда удачно: в какой-то момент она всё же оступилась, и ледяная вода мгновенно просочилась сквозь шов кроссовка. Она замерла. Посмотрела на промокшую ногу. И пошла дальше.

Диме она позвонила около пяти. Изначально они планировали встретиться в выходные, но сейчас, хотя шёл всего лишь четверг, она отчётливо поняла: ждать до субботы невозможно. Невозможно оставаться один-на-один с тем, что затаилось внутри неё.

— Привет, — отозвался он. Голос был привычным, тёплым. — Ты как?

— Нормально. Дим, нам нужно увидеться. Сегодня, если можешь.

В трубке повисла пауза — секунды на две, не больше.

— Что-то случилось?

— Да. То есть... я не знаю. Просто нужно поговорить.

— Хорошо, — без колебаний согласился он. — Давай в парке, в шесть? Успеешь?

— Успею.

Она спрятала телефон в карман. По пути заглянула в продуктовый — купила гречку, лук и буханку хлеба. Механиче-

ски пересчитала сдачу. Пошла домой.

В квартире царила тишина. Мама то ли опять не ночевала дома, то ли уже куда-то ушла — Таня не знала и не хотела разбираться. Она выложила покупки, наспех съела остатки вчерашнего супа прямо у плиты, даже не садясь за стол. Переделась и легла на кровать, уставившись в потолок.

Белёный потолок в углу портило старое жёлтое пятно от давней протечки. Сколько Таня себя помнила, оно было там всегда. В детстве оно казалось ей похожим на забавного зайца. Сейчас это было просто грязное пятно.

Она лежала неподвижно и мучительно соображала: как сказать? Что именно? В каком порядке? А потом поймала себя на мысли, что судорожно пытается подобрать форму, но сама суть от этого никуда не девается. Она оставалась внутри неё — тяжёлая, осязаемая, реальная, и никакие правильные слова не способны были её облегчить.

Надо просто сказать. Слова найдутся сами.

Парк был почти пуст — сказывались будний день, сырость и пронизывающий холод. Мокрые аллеи, лоснящиеся от влаги скамейки. Вороны, неподвижно сидевшие на голых ветках, взирали на землю с мрачным видом существ, которым до смерти всё надоело. Дима ждал её у самого входа. Он стоял, засунув руки в карманы куртки, а его волосы слегка растрепал мартовский ветер. Завидев Таню, он открыто улыбнулся.

— Привет. — Дима потянулся, чтобы поцеловать её в щё-

ку.

— Привет.

Они неторопливо пошли по аллее. Некоторое время двигались молча, но это не было тягостным безмолвием — они всегда умели хорошо молчать вдвоём. Наконец он нарушил тишину:

— Ну, рассказывай.

Таня опустила взгляд под ноги. Пройдя ещё пару шагов, она резко остановилась. Дима замер рядом.

— Я беременна, — выдохнула она.

Произнести это вслух оказалось гораздо проще, чем ей представлялось. Всего два слова. Обычные два слова. Она затаила дыхание, пристально всматриваясь в его лицо и ожидая реакции.

Он не побледнел. Не отшатнулся в ужасе. И не кинулся что-то говорить — просто стоял и молча смотрел на неё. Выражение его лица оставалось... совершенно обычным. Ни испуга, ни тени радости — абсолютная будничность. Словно она сообщила ему какую-то житейскую мелочь — например, что задержится к ужину.

Наконец он спросил:

— Ты уверена?

— Два теста.

Дима медленно кивнул. На мгновение он отвёл взгляд в сторону — посмотрел на дерево, на примостившуюся на суку ворону, которая бесцеремонно разглядывала их в ответ.

Потом снова повернулся к Тане.

— Ну, — произнёс он ровным голосом. — Ладно. Значит, будем растить.

Таня подсознательно ждала чего-то совсем другого. Она и сама не могла бы точно сформулировать, чего именно. вспышки страха, растерянности, крепких объятий или целой лавины расспросов — ведь у неё самой в голове роились сотни вопросов, и ни на один не было ответа. Но его «ладно» и «будем растить» прозвучали на удивление спокойно и сухо. Так говорят о деле решённом, само собой разумеющемся и при этом не слишком значительном. Будто они давным-давно обо всём договорились, а сейчас просто напомнили друг другу о старом уговоре.

Она продолжала безотрывно смотреть на него.

Дима взял её за руку. Ладонь у него была тёплой — это тепло отчётливо передавалось даже сквозь плотную ткань перчатки. Они возобновили прогулку. Он крепко сжимал её пальцы, а Таня пыталась убедить себя: «Наверное, это к лучшему. Наверное, именно так всё и должно происходить — взвешенно, без лишней паники. Это ведь означает, что он не испугался трудностей. Что он надёжный, что он рядом. Значит, всё будет хорошо».

Она прокручивала эти мысли в голове и почти верила им. Почти.

Но где-то в самой глубине живота — там, где ещё физически ничего не ощущалось и не было заметно, а жило лишь

одно холодное, ясное знание — что-то глухо сжалось. Без боли. Просто сжалось, и всё. Словно она сделала неосторожный шаг в абсолютную темноту и нащупала ногой не твёрдую почву, а зыбкую топь, которая пока ещё удерживает её вес, но вот надолго ли — неизвестно.

От этого внезапного ощущения Таня крепче сжала его пальцы.

Дима не высказал удивления. Лишь молча сжал её руку в ответ.

Они спокойно шли по замершему, пустому парку. Вороньи провожали их сверху безучастными взглядами, март привычно давил свинцовым небом, а Таня упрямо твердила себе под нос, как заклинание: «Всё будет нормально. Всё будет нормально. Всё обязательно будет — нормально».

Лариса Витальевна пришла в десятом часу. Таня слышала, как открывается замок — знакомый, раздражающий звук: мама всегда долго возилась с ключами, потому что в механизме что-то постоянно заедало. Потом послышались шаги в прихожей, шорох снимаемой куртки. Следом — шаги на кухню. Щелчок включаемого чайника.

Таня лежала в своей комнате и мучительно выбирала: сейчас или потом? «Потом» означало провести остаток ночи наедине с этой мыслью, подарить себе ещё одну ночь в удушающей неизвестности, а она и без того смертельно от неё устала. «Сейчас» — это было страшно, но зато сразу.

Она встала.

Мама стояла у плиты, успев переодеться в домашний халат и распустить волосы. Лариса Витальевна была когда-то красивой женщиной, и даже теперь в ней угадывалась эта красота: благородная лепка лица, светло-зелёные глаза. Таня унаследовала её взгляд, только у мамы глаза были как-то чище, яснее. Но что-то в этой красоте безвозвратно поистерлось, словно рисунок на ситце от бесконечных стирок. Под глазами залегли тёмные тени, черты лица чуть огрубели. Она находилась в том возрасте, когда на лице отпечатываются не просто прожитые годы, а сама жизнь.

Мама посмотрела на Таню:

— Чего не спишь?

— Мам. Мне надо сказать тебе.

Лариса Витальевна взяла с сушилки кружку и повернулась к дочери:

— Ну, говори.

Таня замерла у двери — она так и не вошла на кухню, осталась на пороге, словно сохраняя за собой возможность немедленно отступить. Потом выдохнула:

— Я беременна.

Мама застыла на несколько секунд. Она смотрела на дочь, не зная, что сказать.

Выражение её лица было никаким. Ни испуга, ни злобы. Абсолютная, вымороженная пустота. Она смотрела на Таню так, будто узнала о чём-то, чего давно и неизбежно ждала, но о чём не решалась упомянуть вслух.

Потом она усмехнулась — без злорадства, без радости. Просто так.

— Ну и чего ты от меня хочешь? — спросила она. — Чтобы я прыгала от счастья?

— Я не хочу, чтобы ты прыгала.

— А чего тогда?

Таня молчала. Она и сама не знала, чего хочет. Наверное, чтобы мама подошла. Чтобы сказала хоть что-нибудь. Не правильные, умные слова, а просто что-то живое. Но сформулировать это Таня не могла: чувство не облекалось в конкретные фразы, оставаясь одновременно чем-то сокровенно простым и огромным.

— Ты от кого? — сухо спросила мама. — От этого своего?

— Да.

— И что он?

— Говорит, будем растить.

Мама снова усмехнулась, на этот раз чуть горче.

— «Будем», — повторила она. — Слышала я уже такое слово. — Помолчала. — Слушай, я тебе вот что скажу: сама залетела — сама и разбирайся. У меня своя жизнь, я тебе в няньки не нанималась.

— Я не прошу в няньки, — тихо отозвалась Таня.

— А чего просишь?

Повисла тяжёлая пауза. Чайник закипал — слышно было, как внутри него всё сильнее глухо шумит вода.

— Ничего, — сказала Таня. — Ничего не прошу.

— Вот и правильно. — Мама отвернулась к плите. — Я тебя одна тянула, и никто мне не помогал. Справилась. И ты справишься. Нечего было по мужикам ходить, раз не умеешь.

Таня смотрела на мамину спину. На халат с выцветшим рисунком — когда-то на нём были изящные цветы, а теперь они угадывались с трудом. На волосы, в которых проступила отчётливая седина — Таня только сейчас заметила её при резком кухонном свете, там, у самых корней.

— Ладно, — сказала она.

И вышла из кухни.

Дверь в свою комнату она притворила тихо, без хлопка. Села на кровать. Достала телефон, положила рядом. Долго смотрела в стену.

А потом — заплакала.

Не сразу. Сначала просто сидела, замёрзшая, и внутри была звенящая пустота. Будто какой-то внутренний зажим держал её, не пуская слёзы наружу. Но потом судорога отпустила — сразу, резко, без предупреждения. Таня согнулась вперёд, судорожно прижав ладонь ко рту, чтобы мама ничего не услышала, и разрыдалась. Некрасиво, совсем некрасиво — со всхлипами, от сжимающегося горла, которое мешало дышать, и мгновенно заложившего носа. Она никогда не умела плакать изящно — это только в кино героини плачут со вкусом, пуская одну горькую слезу и сохраняя достоинство. Она же плакала так, как плачут по-настоящему, когда смотреть

некому и держаться больше незачем.

Она сидела на кровати в своей крошечной комнате, пока за стеной привычно звякала посуда — мама пила чай, — и беззвучно рыдала, до боли прижимая руку ко рту. И думала: «Никого. Вот так вот — вообще никого». Парень сказал «ладно», словно она сообщила ему о потёкшем кране. Мама бросила жёсткую фразу «сама разбирайся», будто это какая-то простая задачка. Как будто это легко — разбираться со всем самой. Будто у неё есть для этого хоть что-то: силы, деньги, знания, опыт. Будто она вообще понимает, что делать дальше.

Она не понимала. Категорически не понимала.

Рядом с ней не было никого, кто мог бы оказать нужную поддержку и вселить уверенность в завтрашнем дне.

За окном сгустилась ночь. Где-то вдалеке завывала сирена, но вскоре захлебнулась, и во дворе снова воцарилась тишина. Мама прошла по коридору в спальню, тяжело скрипнула кровать. В квартире стало совсем тихо.

Таня перестала плакать. Не потому, что на душе стало легче, а просто слёзы иссякли. Так прекращается дождь — потому что тучи опустели, а не потому, что на небо вышло солнце. Она вытерла лицо рукавом. Легла на кровать прямо поверх одеяла, не раздеваясь, и уставилась в потолок.

Пятно в углу. Жёлтое. Когда-то похожее на зайца.

В мысли настойчиво поползло слово: «аборт». Вот и всё. Просто пойти и сделать — и всё вернётся на свои места. Учё-

ба, прежняя жизнь, спокойствие. Она ведь молодая. У неё всё ещё впереди. Это просто нелепая ошибка, а от ошибок избавляются. Это нормально, так делают многие, в этом нет ничего страшного, обычная медицинская процедура...

На этом слове она судорожно оборвала сама себя.

Медицинская процедура.

Эти два слова застряли у неё в голове. Они не приносили утешения, просто лежали в мыслях — тяжёлые, чужие, угловатые.

Потом, поддавшись неосознанному порыву, она опустила ладонь на живот.

Живот был плоским. Абсолютно плоским, ни капли не изменился, внутри ничего не угадывалось. Просто живот. Её собственный живот, как и всегда.

Она лежала неподвижно — рука на животе, взгляд устремлён в потолок. И где-то на самом краю сознания, бесконечно далеко, словно приглушённый звук за толстыми стенами, зашевелилось что-то ещё. Что-то едва уловимое. Какое-то чувство, которое она пока не могла и не пыталась назвать. Просто — что-то.

Таня убрала руку. Медленно повернулась на бок. И закрыла глаза.

Утром она встала по звонку будильника. Умылась. Мельком взглянула на себя в зеркало: глаза опухли, под ними залегла отчётливая синева, волосы требовали мытья. Набрав в ладони ледяной воды, Таня опустила в неё лицо и держала

так долго-долго, пока кожа не перестала гореть. Потом выпрямилась и насухо вытерлась полотенцем.

Из зеркала на неё по-прежнему смотрела она сама — Таня Морозова, двадцать лет, третий курс, будущий учитель русского языка.

Что теперь?

Ответа не находилось. Он словно испарился — или же вообще пока не существовал, лишь зарождаюсь где-то в глубокой темноте, медленно, как зарождается всякая новая жизнь.

Она привычно собрала волосы в хвост. Подхватила сумку, на ходу проверив содержимое: тетради, учебник, кошелёк, ключи. Телефон нащупала в кармане куртки.

Новое знание, поселившееся в ней вчера, теперь тоже уходило вместе с ней. Оно не осталось запертым в утренней комнате или в тусклой ванной. Оно следовало за ней повсюду — тихое, крошечное, пока ещё без имени и лица. Не осязаемое ничем, кроме двух чётких полосок на тесте и того самого упрямого, смутного ощущения, которое она уловила ночью, согревая ладонью плоский живот.

Она заперла за собой дверь. Спустилась по лестнице. Вышла из подъезда.

Март встретил её всё той же серостью и пронзительным холодом, что и накануне. Под ногами хлюпало. На подтаившей ступеньке сидела рыжая кошка. Она лениво сощурилась, мазнула по Тане равнодушным взглядом и отвернулась.

Таня побрела к остановке.

Жизнь продолжалась — просто потому, что она продолжается всегда, даже когда ты совершенно не понимаешь, что со всем этим делать. В этом и заключалось её главное свойство: она никогда не дожидалась чужих решений. Жизнь упрямо движется вперёд, неизбежно увлекая тебя за собой, хочешь ты того или нет.

Таня шла. Под ногами хлюпал слякотный март.

А где-то впереди — бесконечно далеко, скрытое туманом и неизвестностью — её ждало то, чему суждено случиться. Что бы это ни было.

Глава вторая. Пока он был

Токсикоз начался на пятой неделе.

Он нахлынул без предупреждения — как случается всё, что приходит всерьёз. В понедельник утром Таня проснулась, поднялась и сделала всего три шага к окну, чтобы открыть форточку, — и мир покачнулся. Не сильно, не до падения — просто качнулся, словно пол в автобусе на резком повороте. Она замерла. Постояла немного. Кое-как добралась до ванной и минут десять стояла там, намертво вцепившись в края раковины и глубоко дыша. Вроде бы отпустило. Умывшись, она решила, что это обычный скачок давления, и пошла на кухню. Но стоило ей открыть банку с чайной заваркой, как её привычный аромат — запах, знакомый с самого детства, — ударил в нос с такой силой, что Таня едва успела добежать обратно до ванной.

После этого все сомнения отпали: давление здесь было ни при чём.

Следующие три недели превратились в особое, параллельное существование, требовавшее от неё ежеминутного контроля и предельной собранности. Она научилась просыпаться медленно: больше не вскакивала по звонку будильника, а лежала неподвижно первые минуты три, постепенно приучая тело к вертикальному миру. Научилась ничего не есть с утра — только сухари и чистая вода, и лишь позже,

когда дурнота отступала, она позволяла себе что-то ещё. Она научилась предугадывать приближение очередной волны за несколько секунд — по особой, подступающей к самому горлу тяжести — и вовремя успевать к спасительному месту.

В институте приходилось гораздо сложнее.

Как-то раз на второй паре — это была история педагогики, и Зинаида Марковна монотонно и бесконечно читала лекцию — в аудитории стало невыносимо душно. Вдобавок с задних рядов донёсся густой, приторный запах кофе из чьего-то термоса. Таню накрыло мгновенно. Стремительно поднявшись с места и стараясь не привлекать к себе внимания, она выскочила в коридор и со всех ног бросилась к туалету.

Когда она наконец выпрямилась над раковиной и подняла глаза, в зеркале за своей спиной она увидела Катю Воронову. Они сидели за одной партой с первого курса. Катя принадлежала к той редкой породе людей, которые подмечают абсолютно всё, но далеко не всегда спешат делиться своими наблюдениями. На этот раз она молчать не стала.

— Таня. Ты беременна?

Никаких дежурных «ты в порядке?» или «может, съела что-то не то?». Сразу, в лоб, без лишних предисловий. Катя вообще не признавала пустой болтовни. Таня встретила с ней взглядом в отражении, а затем медленно кивнула.

Катя помолчала секунду. А потом просто подошла ближе и крепко обняла её со спины — молча, без единого слова. И Таня, застыв в этих объятиях, вдруг почувствовала, как

тугой узел, сжимавшийся внутри неё последние две недели в постоянном напряжении, слегка ослаб. Совсем чуть-чуть. Но ей наконец удалось перевести дух.

— Дима знает? — негромко спросила Катя.

— Знает.

— И что?

— Говорит, будем растить.

Катя отстранилась. Внимательно посмотрела ей в глаза — своим фирменным, лишённым сентиментальности взглядом.

— Хорошо, — заключила она. — Это хорошо.

Она не бросилась уверять, что «всё будет отлично», и не стала сокрушаться в духе «как же тебя так угораздило». Катя произнесла это короткое «хорошо» очень осторожно. Так пробуют ногой лёд, ещё не зная, выдержит ли он человеческий вес. И Таня была бесконечно благодарна подруге именно за эту честность. За то, что Катя не имела понятия, как сложится будущее, и не пыталась делать вид, будто знает ответы на все вопросы.

С того дня Катя всегда была рядом — ненавязчиво, без лишней демонстративности, но надёжно. То и дело подсовывала в сумку крекеры: «У меня лишние завалялись, возьми». Если в аудитории становилось особенно душно, она молча уступала Тане своё место у окна, где было больше воздуха, которое специально заранее занимала. А однажды сама сдала за неё конспект на семинаре, пока Таня сидела на подокон-

нике в коридоре и пыталась отдышаться. Ничего из этого они никогда не обсуждали — всё делалось само собой.

Таня не просила о помощи. Катя не спрашивала, нужна ли она.

Именно так и устроена настоящая поддержка. Таня поняла это только тогда. Она не требует разрешений и красивых слов. Она просто есть.

Апрель пришёл другим — не то чтобы тёплым, но хотя бы живым. Деревья выпустили первые листья — мелкие, клейкие, невозможно яркого зелёного цвета, который бывает только в этом месяце и больше никогда. Таня любила этот оттенок. Она шла с пар, смотрела на оживающие ветки и думала: «Вот и весна. Всё-таки она приходит».

Живот ещё не был замечен — на восьмой неделе снаружи ничего не меняется. Но внутри... внутри она всё знала. Иногда, шагая по улице, Таня ловила себя на странной мысли: прохожие видят в ней самую обычную девушку, студентку, но прямо сейчас в этом самом обычном теле происходит нечто совершенно необыкновенное. Растёт новая жизнь. Кто-то живой. Об этом было странно думать — странно в хорошем, почти ошеломительном смысле, если бы только не было так страшно одновременно.

Дима в апреле ещё был.

Она стала говорить себе именно так, но позже, когда мысленно возвращалась в то время: в апреле он ещё был. Этот месяц казался последним мирным островком перед чертой,

после которой всё бесповоротно изменилось. Своеобразная граница. И по одну её сторону оставался апрель, где Дима по-прежнему присутствовал в её жизни.

Он приходил — не каждый день, но довольно часто. Они гуляли, разговаривали. Однажды он принёс ей имбирный чай. Таня как-то обмолвилась, что от обычного её теперь мутит, а имбирный вроде бы спасает от токсикоза — она вычитала это в интернете. И Дима запомнил. Купил, завернул три пакетика в плотную бумагу, перевязал ниткой и смущённо протянул ей: «Вот, нашёл в том магазинчике на углу». Это была сущая мелочь, крошечный пустяк — три чайных пакетика в бумажке, — но Таня сжимала свёрток в ладонях и думала: «Он заботится. Он помнит обо мне. Думал, искал, сделал». Ей отчаянно хотелось, чтобы этот жест что-то значил.

Они заговаривали о будущем — осторожно, короткими, обрывочными фразами, словно о чём-то, что ещё не обрело чётких контуров. Дима как-то обронил: «Я поговорю с отцом, может, он подкинет денег на первое время». Она тихо спросила: «Ты уже сказал ему?» Дима замялся: «Пока нет. Но расскажу». Таня понимающе кивнула. Она не стала допытываться, когда именно случится этот разговор. Не хотела давить.

В том же апреле она впервые отправилась в женскую консультацию, чтобы встать на учёт. Сидела в длинном коридоре на неудобном пластиковом стуле, вдыхая специфический больничный запах, и разглядывала женщин вокруг. Они бы-

ли самого разного возраста: у кого-то животы были уже круглыми, большими, у кого-то — ещё совсем незаметными, как у неё самой. Таня смотрела на будущих мам на поздних сроках и пыталась вообразить себя такой же через несколько месяцев. Ничего не получалось. Это было так же трудно, как попытаться представить цвет, которого никогда в жизни не видел.

Врач — немолодая, устало-деловитая женщина — осмотрела её и коротко резюмировала: «Недель восемь, развитие нормальное».

Нормальное. Это простое слово Таня бережно носила в себе весь оставшийся день, словно драгоценность. Нормальное. Значит, всё идёт как надо. Значит, пока всё хорошо.

Выйдя на улицу, она тут же достала телефон и написала Диме: «Была у врача. Говорят, всё нормально». Ответ пришёл почти мгновенно: «Хорошо. Всё хорошо?» — «Да». — «Ок». Три коротких сообщения. Она тупо смотрела на экран и улыбалась: «Ну и отлично. Он ответил, он спросил, всё в порядке».

Всё действительно казалось в порядке.

Она шла домой, апрельский ветер гнал по асфальту мелкий мусор и сухие прошлогодние листья, а деревья вокруг стояли в своей неистойвой, невозможной зелени. И Таня упрямо думала: «Всё обязательно будет хорошо».

Май принёс тепло и перемены. Не сразу — постепенно, как меняется то, что не хочет быть замеченным.

Сначала Дима пропустил одну встречу. Написал: «Не смогу сегодня, дела». Дела — это нормально, у всех бывают дела. Она ответила: «Окей, не вопрос». Они встретились через три дня — всё было как обычно: он был внимателен, расспрашивал, как самочувствие. Она успокоилась.

Потом он пропустил ещё одну встречу. Потом ещё. Она смотрела на их переписку — листала её иногда по вечерам, лёжа в постели, просто так — и видела, как она редет. В феврале и марте он писал каждый день, часто по несколько раз — просто так, без повода: что-то смешное, вопрос, внезапная мысль. В мае — через день. Потом — через два. А потом он стал писать, только если она заговаривала первой.

Она старалась не писать первой — не потому, что соблюдала какие-то правила, а потому, что боялась. Боялась, что напишет, он ответит коротко, и от этой сухости станет только хуже, чем от молчания. Молчание хотя бы можно было объяснить как угодно: занят, устал, много дел.

Когда они виделись, он был... другим. Она не сразу смогла сформулировать это для себя. Несколько раз думала: «Может, устал? Может, навалились свои проблемы, не надо думать о плохом». Но потом — назвала вещи своими именами. Он был отсутствующим. Физически сидел рядом — и отсутствовал. Смотрел в телефон, переключал его с места на место, отвечал с секундной задержкой, будто его мысли бродили где-то далеко и возвращались неохотно.

Как-то раз она рассказывала какую-то смешную историю с

пар, сама же засмеялась и посмотрела на него. Он улыбался. Но улыбка была вежливой — так улыбаются незнакомцу в лифте. Неживая. Не его улыбка.

Она заметила. Заметила — и ничего не сказала. Потому что если озвучить это вслух, придётся отвечать на вопрос, который она сама себе ещё боялась задать. Придётся смотреть в упор на то, на что смотреть совершенно не хотелось. А пока она не смотрела прямо — можно было притворяться, что показалось. Показалось. Может быть, просто показалось.

В мае у неё стал заметен живот. Совсем немного — так, что видела это, пожалуй, только она сама, другие бы и не заметили. Но она видела: фигура изменилась, появилась округлость там, где её никогда не было. Она стояла перед зеркалом в ванной — в одном белье — и разглядывала себя. Поворачивалась. Смотрела сбоку.

Это было странное чувство — видеть, как твоё собственное тело становится другим. Не по твоему решению, не по твоему плану — просто становится. Живёт своей жизнью, делает своё дело. Она стояла, смотрела на себя и думала: там, внутри — кто-то. Уже кто-то, уже не просто клетки и процессы. Уже — кто-то.

В двенадцать недель она пришла на УЗИ.

Врач провела датчиком по животу — холодный гель, тёмный экран. А потом на мониторе появилось что-то маленькое, белое, поначалу непонятное.

— Вот голова, вот ручки, — сказала врач.

И Таня смотрела — и видела. Видела крошечное существо, свернувшееся, абсолютно невозможное по размеру, и оно двигалось. Оно двигалось само — чуть-чуть, совсем немного, но двигалось. Живое.

— Сердцебиение хорошее, — добавила врач. — Развитие по сроку.

Таня смотрела на экран. Она не знала, что скажет потом. Она просто смотрела. И внутри неё — очень медленно, бережно, как выходят наощупь из тёмной комнаты — что-то начало меняться. Изменилось само её отношение к этому «кому-то» внутри. До этого момента всё было лишь знанием: два теста, слова врача, голый факт. Теперь это стало чем-то совсем другим. Она не могла назвать это словом — возможно, потому что оно казалось слишком большим, и она боялась произносить его раньше времени.

Она вышла из кабинета с распечаткой УЗИ — чёрно-белым размытым снимком, на котором непосвящённый человек не увидел бы ничего, кроме серых пятен. Снова взглянула на него в коридоре, а потом убрала в сумку.

Написала Диме: «Была на УЗИ. Всё нормально. Двигается».

Он ответил через час: «Класс».

Один человек. Одно слово.

Она убрала телефон. Пошла домой.

Июнь начался с жары — неожиданной, резкой, как будто весна не утруждала себя постепенностью и просто одна-

жды включила лето на максимум. Город задышал асфальтом и пылью, в троллейбусах стало невыносимо душно, все ходили с влажными затылками и усталыми лицами.

У Тани уже округлился живот — на четвёртом месяце беременность стала по-настоящему заметна. Она переделалась в просторные вещи — во всё то, что совсем не давило. Ей было жарко и неудобно, постоянно хотелось пить, а ноги к вечеру гудели.

В начале июня Катя сказала ей — осторожно, подбирая слова:

— Слушай, я не хотела говорить... Но...

— Говори.

— Я видела Диму. Позавчера, в «Горчице» — ну, в этом кафе на Ленинской. Он был с девушкой. Они смеялись, он... ну, он обнимал её за плечи.

Таня смотрела на Катю. Та отвечала ей взглядом — внимательным, осторожным, как смотрят на человека, которому только что сообщили что-то тяжёлое и не знают, как он это перенесёт.

— Может, подруга, — тихо сказала Таня.

— Может, — согласилась Катя.

И замолчала. Потому что обе они знали: это «может, подруга» — лишь слова. Слова, которые помогают ненадолго зажмуриться, чтобы не видеть очевидного.

Таня написала Диме в тот же вечер. Написала просто: «Привет. Как ты?» Он ответил быстро: «Нормально. Ты

как?» «Тоже. Увидимся на этой неделе?» Пауза затянулась — минут на пятнадцать. Потом пришло: «Постараюсь, тут дела навалились. Напишу».

Не написал ни в тот день, ни на следующий.

Она смотрела на их переписку. Смотрела на это «напишу» и ждала. Потом перестала ждать чего-то конкретного — и всё равно ждала, сама не зная чего. Просто жила с глухим ожиданием внутри, как живут с чем-то неудобным, к чему успели привыкнуть и без чего уже не знают, как существовать.

А потом появились крапинки.

Сначала — на левом запястье. Мелкие, красные, похожие на укусы мошкары, вот только никакой мошкары в комнате не было. Таня подумала: аллергия на что-то. Но вскоре точно такие же точки проступили на правой руке, перекинулись на ладони, рассыпались по предплечьям. Мелкие красные точки, будто кто-то рассыпал под самой кожей зудящий порошок.

В женской консультации врач внимательно осмотрела её руки и спросила:

— Стресс есть?

Таня хотела соврать и сказать «нет», но не смогла. Ложь была бы настолько очевидной, что слова просто застряли в горле.

— Есть, — тихо ответила она.

Врач вздохнула — без осуждения, просто устало:

— Нервный дерматит. На фоне переживаний. Вам нельзя так, понимаете? Вы сейчас не одна. Ребёнок всё чувствует. Ребёнок всё чувствует.

Таня сидела на стуле перед врачом, оглушённая этой мыслью. Там, внутри неё — кто-то. И этот кто-то чувствует всё, что чувствует она. Её страх — это теперь и его страх. Её боль — его боль. Оказалось, она больше не имеет права на слабость. Или имеет, но цена за неё слишком высока.

Врач выписала препараты, велела беречь себя и строго предупредила: если появятся тянущие боли — сразу звонить.

Тянущие боли начались через три дня.

Она позвонила. Её положили на сохранение.

Больница была старая — из тех, что строились ещё в советское время и с тех пор ремонтировались лишь частями. Где-то поблёскивал свежий кафель, а где-то проступала облупившаяся краска и не закрывались до конца старые оконные рамы. Четырёхместная палата: тумбочка, одно окно с видом на больничный двор. Там росли три тополя и стояла скамейка, на которую, казалось, никто никогда не садился.

Таня лежала на койке и смотрела, то на дверь, то в потолок.

Соседки менялись — одни выписывались, поступали другие. На третий день напротив Тани положили девушку лет двадцати пяти — Наташу, как она сама представилась, бойкую, разговорчивую. К ней каждый день приходил муж —

высокий, в очках, неизменно с едой: то домашний суп в термосе, то фрукты. Он садился рядом, брал её за руку, они тихо разговаривали и иногда смеялись над чем-то своим. Муж появлялся всегда в одно и то же время — около семи вечера. Наташа уже с шести начинала посматривать на дверь.

Таня смотрела на них и отворачивалась. Не из зависти — или, во всяком случае, не только из-за неё. Просто было больно. Так бывает больно смотреть на яркий свет, когда слишком долго пробыл в темноте. Не свет виноват. Просто больно.

Дима пришёл всего один раз за две недели.

В среду, около восьми вечера. Принёс апельсины — пакет, пять штук. Поставил на тумбочку. Сел на край кровати — не на стул рядом, как муж Наташи, а на самый краешек, неловко, как сидят на чужом месте.

— Как ты? — спросил он.

— Нормально, — ответила она.

— Хорошо.

Помолчали. За шторкой Наташин муж что-то увлечённо рассказывал, Наташа смеялась. Дима посмотрел в сторону шторы, потом — на часы.

— Ладно, — сказал он, поднимаясь. — Я пойду, наверное. Поздно уже.

Была половина девятого.

— Иди, — сказала Таня.

Он встал. Потоптался. Сказал: «Поправляйся». Накло-

нился, поцеловал её в висок — быстро, вскользь — и вышел.

Она осталась лежать, уставившись в потолок. Апельсины стояли на тумбочке — яркие, оранжевые, крупные. Она взяла один, подержала на ладони, чувствуя его прохладную пористую кожу, и положила обратно.

За шторкой Наташа нежно говорила мужу:

— Ты сегодня позже обычного.

— Пробки, прости.

— Ничего, главное — ты пришёл.

Ты пришёл.

Таня закрыла глаза.

Ночью в больнице она не спала. Не от боли — та уже утихла, и врач подтвердила, что угроза миновала. Таня просто лежала в темноте, слушая мерное дыхание соседок, и смотрела в окно, переложив подушку на другую сторону кровати. Там раскинулось июньское небо, достаточно светлое даже глубокой ночью, и тополя едва заметно шевелились от ветра.

Она думала. Долго, сосредоточенно, не отвлекаясь на постороннее — так думают, когда смотрят правде в глаза. Снова вернулись мысли об аборте. Четыре месяца... Уже было УЗИ, уже было то движение на экране. Разум твердил: поздно. Но тут же возражал: при желании — не поздно. Хотя «желание» — совсем не то слово. Она не знала, чего хочет. Она знала лишь то, чего панически боится.

А боялась она многого. Боялась родов — самого физического процесса, о котором столько читала и смотрела; это

казалось кошмаром. Боялась того, что будет потом: когда ребёнок родится, его нужно будет кормить, баюкать по ночам, одевать, на что-то содержать... А она одна, без денег и поддержки, и ей всего двадцать лет. Боялась сломаться, опустошить внутренний ресурс, без которого всё это не выдержать. Боялась оказаться плохой матерью. Боялась стать копией собственной матери.

Это последнее пугало сильнее всего.

Таня вспомнила маму. О том, как та растила её в одиночку — да, это было тяжело, чистая правда. Но как она это делала... Как исчезала из дома, возвращалась нетрезвой, кричала. Как сменяли друг друга чужие мужчины. Однажды, когда Тане было лет восемь, мама не пришла вовсе — ни ночью, ни утром. Объявилась только к вечеру следующего дня. Весь этот бесконечный день маленькая Таня сидела одна в пустой квартире и ела хлеб с вареньем — единственное, что умела соорудить сама. Сидела у окна, жевала и ждала.

Она не хотела для своего ребёнка такой же доли. Не хотела, чтобы он сидел у окна с куском хлеба, не зная, вернётся ли мать.

Но именно здесь её мысли делали крутой вираж: если она так боится повторить чужие ошибки, разве это не доказывает, что она — другая? Что она чётко сознаёт, как поступать нельзя? Разве само это осознание ничего не стоит? Таня лежала, пытаясь понять, достаточно ли одного лишь понимания, чтобы не превратиться в собственную мать.

В конце концов поток мыслей иссяк — они просто выработались, как кислород в запертой комнате. И в наступившей звенящей тишине, когда думать стало больше не о чем, она снова опустила руку на живот. Четвёртый месяц. Он уже округлился, стал осязаемым. Таня лежала, прижимая ладонь, но чувствовала пока лишь собственное тепло. Шевелений почти не было — лишь изредка проскальзывало что-то настолько лёгкое и неуловимое, что она не могла понять: то ли это реальное движение, то ли игра её воображения.

И всё же она знала: «Ты там. Ты есть».

И что-то глубоко внутри — то, что она по-прежнему боялась назвать по имени, — тихо шептало ей: «Не надо. Не делай этого. Сохрани. Сохрани её или его...» — пола она ещё не знала. «Сохрани. Потому что это живое. Потому что это твоё. Однажды ты возьмёшь этого кроху на руки и поймёшь то, чего не способна понять сейчас. Если ты убьёшь это сейчас, то уничтожишь и часть себя — ту, которая никогда не вернётся. Ты продолжишь жить, возможно, всё даже будет хорошо, но где-то на самом краю сознания поселится глухое чувство, что всё пошло не так. Всегда, всю оставшуюся жизнь — немного не так».

Она лежала и вслушивалась в этот внутренний голос — спокойный, лишённый пафоса, негромкий, но абсолютно отчётливый.

Потом она убрала руку. И уже у самого края сна подумала: «Ладно. Рожу».

Вот так просто — «ладно». Так порой принимаются самые главные решения в жизни: без лишнего драматизма, без клятв и слёз. Просто: ладно. Я сделаю это.

И она уснула.

Через две недели её выписали — угроза миновала, состояние стабилизировалось. Она вернулась домой.

Дома всё оставалось прежним: та же квартира, знакомая комната, то же старое пятно на потолке. Мама была дома, мельком спросила:

— Ну как?

— Нормально.

— Ладно.

На этом разговор закончился.

Таня разобрала сумку, которую Катя помогала ей собрать перед больницей. На кухне поставила чайник, достала кружку. Положила на дно пакетик имбирного чая — остался ещё один из тех, что когда-то принёс Дима. Пока закипала вода, она гипнотизировала взглядом лежащий на столе телефон. Потом всё же взяла его и написала: «Выписали. Всё хорошо».

Он ответил через двадцать минут: «Отлично. Береги себя».

Береги себя.

Она долго смотрела на эти короткие, ставшие чужими слова. Потом отложила телефон. Налила кипяток, взяла кружку и села у окна. За стеклом догорал июньский вечер.

По двору медленно шла женщина с коляской, мерно покачивая её на ходу. Таня провожала её взглядом. Женщина остановилась, наклонилась, поправила что-то внутри и пошла дальше.

Таня тихо пила чай, глядя на пустеющий двор.

А внутри неё кто-то рос. Медленно, неуклонно, по своему собственному расписанию, которое никто на свете не мог ни ускорить, ни отменить. Рос — и всё. Просто рос.

В июле Дима почти исчез. Таня перестала скрывать это от самой себя — в этом месяце она позволила себе наконец увидеть очевидное. Он не писал первым. Никогда. На её сообщения отвечал, но сухо и коротко. На предложения встретиться отделялся размытыми: «постараюсь», «посмотрим», «может, на следующей неделе». Но недели приходили и уходили одна за другой. Они увиделись всего раз за весь месяц: посидели часок в кафе, он выглядел уставшим и каким-то виноватым. Но виноватым без раскаяния — так выглядят должники, которые прекрасно знают о своём долге, но возвращать его не собираются.

Она спросила лишь однажды, напрямую:

— Дим, что происходит?

Он упорно смотрел в стол. Бормотал что-то о том, что «всё сложно», что «надо подумать», что «ему просто нужно время».

— Время на что? — тихо спросила она.

Он не ответил. Не потому, что не знал, что сказать — Таня

кожей чувствовала это, — а потому, что правда была слишком тяжёлой, чтобы произносить её вслух.

Она не стала давить. Встала, накинула куртку — к вечеру заметно похолодало, — и спокойно произнесла:

— Ладно. Ты знаешь, где меня найти. И вышла.

На улице она пошла быстро. Не потому, что спешила, а потому, что на скорости мысли не успевают её догнать. Живот уже мешал — пять месяцев, беременность стала заметной, сместился центр тяжести. Она шла теперь совсем иначе, чем раньше, по-другому держала спину.

Она шла и думала: «Вот и всё. Наверное, это конец». Наверное, именно так всё обычно и заканчивается. Без громких скандалов, без финальных объяснений и драмы — отношения просто растворяются. Как улетучивается из комнаты запах: только что был — и вот уже нет, и совершенно непонятно, в какой именно миг он исчез.

Таня не плакала. Странно, но слёз не было. Может, всё выплакалось в больничной темноте. А может, просто иссяк их внутренний запас. Она шла и чувствовала себя абсолютно пустой. Но это была мирная пустота — какая бывает после разрушительного шторма, когда всё вокруг перевёрнуто и сломано, но буря наконец утихла.

Дома она заставила себя поесть — без всякого аппетита, просто потому, что надо. Легла в постель. Закрыла глаза.

И вдруг внутри... толчок.

Впервые такой явный, отчётливый, не оставляющий со-

мнений. Крошечный, но осязаемый. Словно кто-то легонько пнул её изнутри маленькой пяткой. Один раз. Затем ещё.

Таня распахнула глаза. — Привет, — прошептала она. Впервые вот так, вслух, обращаясь к тому, кто внутри. — Я здесь.

В ответ — ещё один лёгкий толчок. И снова тишина.

Она лежала, прижав ладонь к животу. За окном медленно, нехотя густели июльские сумерки, словно лету было искренне жаль расставаться со светом.

Она думала: «Вот нас и двое. Что бы ни происходило там, снаружи, — нас теперь двое». И это было единственным, в чём она сейчас была уверена до конца.

В начале августа Катя снова завела этот разговор. Опять осторожно, тщательно подбирая слова. Рассказала, что видела Диму в клубе — весёлого, в шумной компании, с какими-то девушками. Вовсю тусовался. Таня слушала молча. Просто кивала.

— Таня, — не выдержала Катя. — Ты вообще как?

— Нормально.

— Но это же... — Катя запнулась, подыскивая верное выражение. — Это же свинство.

— Да, — согласилась Таня.

— И это всё? Ты просто так это оставляешь?

— Кать, — Таня мягко посмотрела на неё. — У меня нет на него сил. Понимаешь? Совсем нет. У меня шестой месяц. У меня изжога. Ноги к вечеру становятся как чужие. Думать

о нём сейчас — это как взваливать на себя тяжёлую ношу, когда ты и так еле переставляешь ноги. Не могу я.

Катя смотрела на неё — долго, внимательно.

— Хорошо, — тихо сказала она. — Ты права.

И больше о Диме они не говорили. Таня ничего не запрещала — просто эта тема закрылась сама собой, словно дверь, которую никто нарочно не трогал, а просто захлопнуло случайным сквозняком. Он тусовался в клубе с девчонками — ну и пусть. Ему там было хорошо. Ей здесь — так, как есть. Думать о нём теперь означало впустую расходовать кислород в запёртой комнате. Воздуха и без того оставалось мало. И она берегла его для самого важного.

Академический отпуск она оформила в конце августа.

Пришла в деканат. Секретарь, Маргарита Олеговна, едва взглянув на её живот, сразу всё поняла и не стала задавать лишних вопросов. Просто протянула бланк. Таня заполнила заявление и вернула его. Маргарита Олеговна хлёстко поставила печать — раздался этот привычный, будничный звук удара о бумагу — и отдала ей копию.

— Когда решите восстанавливаться, позвоните заранее, — сказала она. — Удачи.

Последнее слово прозвучало без особого выражения — просто дежурная фраза, которую принято говорить. Но Таня кивнула совершенно серьёзно:

— Спасибо.

Выйдя из деканата, она остановилась на крыльце.

Перед ней раскинулся институтский двор. Клён у самого входа уже начинал желтеть по краям листьев — август всё-таки, хотя на улице ещё стояло тепло. По двору торопливо шли студенты: с рюкзаками за плечами, с кофе в бумажных стаканчиках. Кто-то весело смеялся, кто-то уткнулся в телефон. Обычный день. Конец августа, преддверие нового учебного года. Вот только для неё это было не начало. Для неё это была пауза.

Она стояла на крыльце со справкой в руке и смотрела на них. Не из зависти — или, точно не только из-за неё. Ею владело какое-то другое чувство, для которого в языке не находилось точного слова. Что-то вроде: они идут в одну сторону, а я — совершенно в другую. Разные дороги, вот и всё. Не лучше и не хуже — просто разные.

Она сошла с крыльца, дошла до остановки и села в троллейбус.

В салоне пожилая женщина тут же поднялась и молча уступила ей место, просто кивнув на сиденье. Таня по привычке хотела отказаться, но вовремя поняла, что ноги действительно гудят, и тихо произнесла: «Спасибо».

Она сидела и смотрела в окно. Август уплывал куда-то назад — деревья, вывески магазинов, спешащие люди, чужая жизнь. Всё как всегда. Всё выглядело так, будто ничего вокруг не изменилось.

Но изменилось. Всё безвозвратно изменилось, пока она просто смотрела в это стекло.

Вечером она сидела в своей комнате и разговаривала с животом.

Она больше не смущалась, как в первый раз, — успела привыкнуть. Всё началось тогда, в больничной темноте, и с тех пор продолжалось само собой, без всякого плана или причин. Она просто говорила.

— Ты, наверное, уже слышишь меня, — тихо сказала Таня. — Я читала, что на шестом месяце дети всё слышат. Так что... слушай.

Она помолчала. Внутри затаилась малышка. На последнем УЗИ сказали, что будет девочка. Таня приняла эту новость удивительно спокойно, а потом, оставаясь наедине с собой, раз за разом примеряла к себе это слово: «Девочка. У меня будет девочка». Сейчас дочка не двигалась — наверное, спала.

— Я честно не знаю, что нас ждёт, — призналась Таня. — Не знаю, как справлюсь. Многого не знаю. Но ты растёшь, и этого уже не отменить. Да я и не хочу ничего отменять. Просто знай: я никуда не уйду. Да и куда мне уходить, ведь ты внутри меня? — Она улыбнулась собственным словам. — Ты иногда так пинаешься, будто совсем там разошлась. Но это нормально. Пинайся. Я привыкну.

Малышка тут же дала о себе знать — один отчётливый толчок, словно в знак согласия.

Таня тихо засмеялась. В пустой комнате, на исходе августа, совсем одна... Но одна ли? Нет. Их теперь двое. Пока

только двое, но двое — это уже не одиночество.

Опуская ладонь на живот и чувствуя ответное живое тепло, Таня думала о том, что этого — пока достаточно. Пусть сейчас вокруг нет ничего другого. Есть они. И этого пока вполне достаточно, чтобы чувствовать себя нормально.

Глава третья. Он просто исчез

Август кончился без предупреждения.

Так всегда бывает с летом: оно длится и длится, и кажется, будто впереди ещё уйма времени, но вдруг в какой-то один день всё в воздухе меняется. Дело даже не в температуре — меняется что-то неуловимое, более тонкое. Быть может, запах. Или свет — он становится немного другим, падает под пологим углом, отчего тени деревьев ложатся иначе. И ты понимаешь: всё, колесо повернулось. Лето ещё здесь, но оно уже смотрит назад.

Таня остро чувствовала эту поворотную точку августа каждый год и любила это состояние. В нём было что-то честное: ничто не длится вечно, всё меняется, и это правильно. Время движется вперёд. Но в нынешнем году этот поворот ощущался совсем по-другому.

Первого сентября она впервые за три года не пошла в институт. Лежала в постели и слушала, как за окном просыпается город: шум машин, обрывки голосов, а где-то вдалеке — детский смех. Наверное, кто-то вёл первоклашку в школу, с огромным букетом цветов. Сама Таня ни о чём не думала. Просто лежала. Живот уже стал большим — пошёл седьмой месяц. Она устроилась на боку, как давно научилась, подложив подушку между коленей, и безучастно смотрела на стену.

Стена была всё той же. Старые обои в мелкий цветочек поклеили ещё до её рождения; она никогда не знала, кто их выбирал и почему остановился именно на этом рисунке. Бледно-голубые бутоны на белом фоне выцвели настолько, что стали почти неразличимы. За долгие годы она выучила каждый сантиметр этого узора.

Телефон лежал рядом. Она долго смотрела на экран, прежде чем взять его в руки и открыть переписку с Димой.

Её последнее сообщение было отправлено ещё двадцать восьмого августа: «Привет. Как ты?». Он прочитал его — статус «прочитано» безжалостно светился в углу, — но не ответил. Это было три дня назад. Двадцать девятого она написала снова: «Дим, напиши хоть что-нибудь». Снова «прочитано». И тишина.

Сегодня писать она не стала. Просто разглядывала их диалог — эти редкие, короткие фразы, которые затухали, словно пульс угасающей жизни. Закрыла приложение. Секунду спустя открыла снова. Опять закрыла.

Встала, пошла в ванную. Умылась прохладной водой. Долго всматривалась в своё отражение — в последнее время она делала это всё чаще. Будто пыталась отыскать в собственных чертах разгадку, объяснение происходящему. Что с ней не так? Где она оступилась? В какой именно момент всё показилось не туда?

Но зеркало хранило молчание. Из него глядела самая обыкновенная девушка — бледная, с тёмными кругами под

глазами и с большим животом. Ничего примечательного. Она умылась ещё раз и вышла из ванной.

Второго сентября он написал сам.

Уведомление пришло, когда она грела чай. Телефон лежал на кухонном столе, экран внезапно вспыхнул. Сердце болезненно дёрнулось — она ощутила этот физический рывок в груди, похожий на мгновенный испуг, когда спотыкаешься на ровном месте. Таня схватила трубку.

«Тань, нам надо поговорить».

Она заворожённо смотрела на экран. Короткая фраза, значение которой понятно без слов. Все знают, что за ней стоит. Она знала это слишком хорошо — и всё равно напечатала:

— Окей. Когда?

— Сегодня можешь?

— Могу.

— В семь, у фонтана на Советской?

— Хорошо.

Она отложила телефон. Чай в кружке успел остыть, пока она неподвижно смотрела в одну точку. Взяла кружку, поддержала и поставила обратно на стол. Вернулась в комнату, опустилась на кровать.

До встречи оставалось почти восемь часов — на часах было только начало двенадцатого.

Таня судорожно цеплялась за крохотную надежду: а вдруг всё не так? Вдруг он хочет поговорить совсем о другом? Вдруг он просто испугался ответственности, а теперь при-

шёл в себя и вернулся? Она где-то слышала, что мужчины часто замыкаются, когда им страшно, но потом обязательно возвращаются. Может, это её случай?

Она прокручивала эти мысли в голове, но не верила ни одному собственному слову.

Фонтан на Советской уже не работал — сезон закончился. Он стоял сухой и немного запущенный. Кто-то бросил на дно пустую бутылку, и она лежала там рядом с несколькими монетками, которые люди кидали летом на счастье. Монеты блестели тускло, подёрнутые налётом.

Дима ждал её. Он пришёл раньше и теперь стоял, засунув руки в карманы. Увидев Таню, безучастно кивнул, но не улыбнулся.

Она подошла. Они впервые за всё время встретились без объятий — просто замерли друг напротив друга.

— Привет, — сказала она.

— Привет.

Помолчали. Он смотрел куда-то мимо неё — на чашу фонтана, на тусклое серебро на дне. Она разглядывала его лицо. Такое знакомое, изученное до мельчайших черт, но сейчас на нём проступило то, чего она больше всего не любила в людях. Виноватость. Особая виноватость, которая не просит прощения, а лишь ждёт разрешения уйти.

— Говори, — прервала тишину Таня.

Он переступил с ноги на ногу, неловко провёл рукой по волосам.

— Тань... — начал он. — Я... — Снова заминка. — Я не готов. Понимаешь? Я думал, что смогу, что всё нормально, но я... Это не то, чего я хочу сейчас. Это не то, к чему я готов.

Она слушала, не перебивая. Стояла и впитывала каждое слово, и где-то внутри неё — там, где последние недели жило тихое, почти привычное ожидание боли — что-то окончательно рушилось. Словно опускалась пыль после крушения чего-то огромного.

— Что именно «это»? — спросила она ровно.

Он наконец посмотрел ей прямо в глаза.

— Ребёнок. Семья. Всё это. — Дима тут же снова отвёл взгляд. — Я слишком молодой ещё. Мне надо... не знаю. Мне надо пожить. Понять, чего я вообще хочу.

Она промолчала.

— Ты замечательная, — добавил он, и Таня услышала в этой фразе то, что слышится всегда перед расставанием. Слово-прощание. Слово-откуп. — Ты справишься. Ты сильная.

— Откуда ты знаешь, что я сильная? — спросила она. Без надрыва, без злости — просто спросила.

Он не нашёл что ответить.

Они стояли у сухого фонтана в начале сентября. Вечер всё ещё дышал тёплым воздухом — последним теплом перед затяжными холодами. Где-то совсем рядом смеялись люди, спешили по делам прохожие, текла чужая жизнь. А они просто стояли. Таня смотрела на человека, которому безогляд-

но верила семь месяцев, который обещал быть «всегда», который когда-то принёс имбирный чай и бережно перевязал пакетики ниткой, который пришёл в больницу всего раз за две недели и сидел на самом краешке кровати... Смотрела и думала: «Вот оно. Вот как это выглядит. Запомни».

— Ладно, — выдохнула она.

Он взглянул на неё с явным облегчением, которое тут же попытался скрыть за неловкостью. Эта смесь облегчения и малодушия уязвила её сильнее всего. Потому что в его глазах не было горя. Ни единой капли.

— Ты сможешь? — спросила она. — Деньгами хотя бы. Потом, когда родится?

Он замялся:

— Я постараюсь... Там видно будет.

Это «там видно будет» на самом деле означало «нет», и она это прекрасно понимала. Не потому, что Дима был законченным подлецом. Может, и не был. Возможно, он был просто слишком молодым и трусливым — что, в общем-то, почти одно и то же в двадцать два года. Просто его слова значили: «Нет, и больше на меня не рассчитывай».

— Ясно, — сказала она.

Он потоптался ещё немного, не зная, куда девать руки, а потом выдавил:

— Ну... удачи тебе. Правда.

Она молча кивнула.

Он развернулся и ушёл — сначала подчёркнуто медлен-

но, затем всё быстрее. Она смотрела ему в спину. Его силуэт удалялся, становился всё меньше, пока не скрылся за углом. И всё. Пустота. Чужая улица, вечер, равнодушные прохожие и фонтан без воды.

Таня постояла так ещё несколько минут. Потом повернулась и пошла домой.

Она не плакала в тот вечер.

Это было странно — она ждала, что заплачет, готовилась к этому почти так же, как готовятся к чему-то неизбежному. Но слёз не было. Она пришла домой, разулась в прихожей, прошла на кухню и механически, не чувствуя вкуса, поела гречку с маслом, которую сварила ещё утром. Помыла тарелку. Пошла в комнату. Легла.

Смотрела в потолок.

В голове было тихо. Не спокойно — тихо. Так бывает в комнате, из которой только что вынесли что-то большое: пустота уже появилась, но ещё не освоилась, не привыкла быть пустотой.

Она думала — на удивление, не о Диме, — а о том, что будет дальше. О вещах конкретных. Декабрь — роды. Примерно декабрь, врач говорила, что это может случиться чуть раньше. Потом — ребёнок. Потом — как-то жить. Деньги — пособие, совсем немного. Работа — позже, когда станет можно. Институт — тоже потом. Помощь... Нина Петровна, может быть. Катя. Больше рассчитывать не на кого.

Мама.

Таня думала о маме без обиды, просто как о данности: мама есть, мама живёт в одной квартире с ней, но мама не поможет. Это факт. Факты не требуют эмоций, они просто существуют, их нужно учитывать и строить жизнь вокруг них.

Она лежала и строила. В голове, в темноте, набрасывала что-то — не план, планов она боялась. Ведь любой план предполагает, будто ты знаешь, как всё сложится, а она не знала. Скорее, это был примерный контур того, что необходимо сделать.

Родить. Не умереть при этом — в прямом смысле. Она очень боялась смерти, это был один из её тихих страхов, о которых никому не рассказывают. Взять ребёнка на руки. Принести домой. Кормить. Не спать, потому что с младенцами не спят. Найти деньги. Позже — найти работу. Вернуться в институт.

Слишком много «потом». Но сначала — родить.

Она закрыла глаза.

Малышка внутри толкнулась — раз, другой. Словно напоминала: «Я здесь. Не забывай».

— Помню, — тихо выдохнула Таня в темноту. — Помню.

Следующие два дня прошли обыденно — насколько обычным вообще может быть существование после случившегося. Таня просыпалась, ела, ходила в женскую консультацию на плановый приём, возвращалась. Разговаривала по телефону с Катей — та набрала сама. Таня выговорила коротко: «Всё, ушёл». Катя помолчала, а потом отрезала: «Ну

и идиот». — «Может быть», — отозвалась Таня. «Я приеду в субботу», — пообещала подруга. «Хорошо», — согласилась она.

На третий день после того разговора у фонтана она утром взяла телефон, чтобы проверить время, и увидела, что Дима удалил её из контактов в мессенджере. Просто взял и удалил. Без прощального сообщения, без объяснений — просто исчез из списка. Будто её никогда и не было.

Она отрешённо смотрела на пустое место там, где ещё вчера была его аватарка, и пыталась разобраться в нахлынувших чувствах, для которых не находилось одного слова. Это было сложное, многослойное ощущение. Сверху — странное, почти абсурдное удивление: вот так просто? Удалил — и всё? Чуть глубже — давящая, свинцовая тяжесть. А под ней — почти ничего. Пустота, которая уже начала осваиваться и привыкать быть пустотой.

Она отложила телефон. Встала. Пошла умываться.

Через неделю её остановила во дворе соседка с третьего этажа — Галина Ивановна, женщина шумная, всезнающая, из тех, кто в курсе всего, что происходит в радиусе трёх подъездов. Она смотрела на Танин живот без всякого стеснения — открыто, оценивающе.

— Слышала, слышала, — сказала она, хотя Таня не произнесла ни слова. — Рожать скоро. А отец-то что, не видать его?

— Не видать, — ответила Таня.

— Бросил, значит?

Разговаривать об этом с Галиной Ивановной совершенно не хотелось. Ни с кем не хотелось, а с ней — особенно.

— До свидания, Галина Ивановна.

— Ну, ты держись, — полетело ей в спину. — Нынче все мужики такие. Ненадёжные.

Таня зашла в подъезд. Остановилась у лифта, нажала кнопку. Лифт гудел где-то наверху.

Ненадёжные.

Она словно зацепилась за это слово. Обкатывала его в голове: ненадёжные... Простое слово. И, наверное, точное. Она думала: как это — знать заранее, что человек ненадёжный? Как это определяется? По каким признакам? Она ведь не знала. Она смотрела на Диму и видела мужчину, который приносит ей имбирный чай и говорит «всегда». Никакой «ненадёжности» она в нём не замечала. Или не хотела замечать. Или замечала, но отказывалась признаваться себе в этом.

Лифт приехал. Она вошла, двери закрылись.

Таня смотрела на своё отражение в мутном металле дверей — размытый, нечёткий силуэт, огромный живот. И думала: в следующий раз — если этот следующий раз вообще когда-нибудь будет, в чём она сильно сомневалась, — она станет смотреть внимательнее. Не на слова. На дела. На то, как человек ведёт себя, когда становится тяжело. Ведь когда всё легко, все кажутся прекрасными. А вот когда тяжело...

Вот тогда и надо смотреть.

Двери открылись. Она вышла на своём этаже.

Катя приехала в субботу утром, как и обещала. Привезла большой пакет с детскими вещами: её сестра родила год назад, племянник из всего этого уже вырос, вот она и отдала. Ползунки, чепчики, крошечные носочки... Таня держала их в руках, и внутри у неё всё сжималось от их размера. Такие маленькие. Невозможно, пугающе крохотные.

— Их стирать не надо, — сказала Катя, кивнув на большой пакет. — Уже все чистые. В машинке постирали.

— Спасибо, Кать! — ответила Таня.

— Не за что. Лишь бы всё подошло.

Катя оглядела комнату и задержала взгляд на детской кровати в углу — подержанной, купленной в прошлом месяце на деньги, которые Таня откладывала с лета.

— Симпатичная кровать.

— Нормальная.

Они пили чай на кухне. Мама, которая тоже была дома, прошла мимо, коротко кивнула Кате и скрылась в своей комнате. Катя посмотрела ей вслед, но ничего не сказала.

— Как ты? — спросила она Таню.

— Нормально.

— Тань, — Катя пристально посмотрела на неё. — Я серьёзно спрашиваю.

Таня обхватила кружку обеими руками и уставилась в чай.

— Не знаю, — призналась она честно. — Иногда нормаль-

но. Иногда — не очень. Бывает, проснусь утром, лежу и думаю: как я всё это одна потяну? А потом встаю и просто живу дальше, потому что другого выхода нет. Вот как-то так.

Катя понимающе кивала — она слушала по-настоящему, а не просто из вежливости.

— Боишься? — тихо спросила она.

— Всего, — ответила Таня. — Вообще всего боюсь. Родов боюсь. Того, что будет потом, — боюсь. Что не справлюсь — боюсь. И что справлюсь плохо — тоже боюсь. — Она горько усмехнулась. — Выбор, как видишь, богатый.

— Справишься, — уверенно сказала Катя.

— Откуда тебе знать?

— Потому что ты уже справляешься. — Катя кивнула на её живот. — Вот это — уже победа. Полгода совсем одна.

Таня посмотрела на подругу. Потом на свой живот. Потом снова перевела взгляд на чай.

— Кать, — тихо произнесла она. — Он ведь удалил меня. Просто удалил из контактов. Без единого слова. Молча.

Катя помолчала, подбирая слова.

— Я знаю, — вздохнула она. — Мне сказали.

— Кто?

— Неважно. — Катя накрыла Танину ладонь своей. — Он плохой человек, Тань.

— Нет, — покачала головой Таня после долгой паузы. — Не плохой. Просто трус. А это, пожалуй, хуже, чем быть плохим. Плохой человек хотя бы что-то делает, совершает по-

ступки. А трус — он просто исчезает.

Катя внимательно смотрела на неё.

— Ты очень умная, — тихо сказала она.

— Дорогой ценой, — отозвалась Таня.

Они замолчали — тем хорошим, правильным молчанием, которое не нужно судорожно заполнять словами. За кухонным окном стояло серое сентябрьское утро. Шёл мелкий, почти невидимый дождь — скорее даже водяная изморось, похожая на туман. Было уютно и спокойно вот так сидеть вдвоём с горячим чаем и просто молчать.

В середине сентября она узнала, что Дима уехал.

Не от него самого — от общей знакомой, которая написала об этом между делом, заговорив совсем о другом: «А ты знаешь, кстати, Дима в Питер уехал? Работа там какая-то». Таня ответила: «Не знала». Приятельница отозвалась: «А, ну он особо никому и не говорил». И тут же сменила тему.

Таня машинально посмотрела в телефон, среагировав на мимолётную мысль, что может написал ей. Как раньше. Но быстро отложила его в сторону, вернувшись в реальность. Ну какой там написал, если даже из контактов удалил.

Уехал. Значит — всё. Совсем всё. Не просто пропал с экрана мессенджера — покинул город, исчез на самом деле. Как будто хотел убедиться, что их разделяет максимальное расстояние. Словно простого исчезновения из сети ему показалось мало.

Она сидела и ждала, когда накатит боль, злость или хоть

какое-то острое чувство. Но ничего не пришло. Была только усталость — глубокая, неподъёмная. Так бывает, когда долго несёшь тяжесть и наконец опускаешь её на землю. Опускаешь не потому, что дошла, а просто потому, что сил нести дальше больше нет. И теперь она просто стоит и дышит. Ровно и тихо.

Она думала: он в Петербурге. Хорошо, наверное, — Петербург красивый город. Она там никогда не была. Он там, она здесь. У неё — восьмой месяц беременности, уборка трёх офисов три раза в неделю, шестьсот рублей пособия и сиротливая кровать в углу комнаты. А у него — Петербург.

Она не желала ему зла. Это тоже казалось странным — не держать обиды на человека, который поступил с тобой подло. Но зла она действительно не желала. Пусть просто живёт. Где угодно. Лишь бы не здесь, лишь бы не рядом, лишь бы больше никогда не видеть его лица и не вспоминать, каким оно было, когда он произносил слово «всегда».

Пусть остаётся в Петербурге.

А она — здесь. Со своим огромным животом. Со своей малышкой. Со всей своей жизнью — какой бы она ни была.

Октябрь.

Она перестала думать о Диме. Не усилием воли — просто перестала. Так забывают о зубной боли, когда она утихает: не потому, что заставил себя отвлечься, а потому, что больше не болит. Что-то внутри неё закрылось — тихо, без стука — и переродилось во что-то другое. Не в лучшее, не в худшее

— просто в другое. Он был — и его не стало. Это факт. А с фактами можно жить.

И она жила.

По утрам убиралась в офисах — пока ещё хватало сил. Живот уже сильно мешал, приходилось быть осторожнее. Врач строго наказывала: не поднимать тяжёлого, не переутомляться. Таня старалась. Потом возвращалась домой, иногда ходила в женскую консультацию, потом готовила обед, потом ложилась спать. Правда, ночи давались всё тяжелее: она никак не могла устроиться, бок затекал и ныл, на спине лежать было нельзя. Она просыпалась по нескольку раз, лежала в темноте и вслушивалась в квартирную тишину.

Однажды ночью — это было уже под самый ноябрь, она лежала без сна, и малышка внутри тоже ворочалась, не утихая, — Таня вдруг подумала: «Через месяц». Примерно через месяц всё изменится. Весь этот огромный живот, эта свинцовая тяжесть, эти вечные поиски удобного положения — всё закончится. И начнётся совсем другое.

Другое — это человек. Настоящий, живой, с крошечными руками и ногами, со ртом, который будет требовательно кричать. С глазами, которые станут смотреть. На неё.

Через месяц она станет мамой.

Она лежала в темноте и примеряла к себе это слово — мама. Мама. Оно пока не вмещалось в сознание, сидело как одежда на вырост — слишком большая, до которой ещё нужно дорасти. Она — мама. Это ведь что-то значит. Это значит,

что другой человек, совсем маленький, будет зависеть от неё полностью. Не частично, не время от времени — абсолютно. Если ему станет плохо — она обязана всё исправить. Если ему будет холодно — она должна согреть. Проголодается — накормить. Она. И больше никто.

Страшно.

До безумия страшно.

Она лежала и впитывала этот страх — не панический, не истерический, а плотный, фоновый, поселившийся внутри за последние месяцы. Этот страх не уходил. Она поняла это давно: он и не уйдёт. Он теперь всегда будет рядом. Нужно просто научиться жить с ним бок о бок и не давать ему собой командовать.

Малышка толкнулась — сильно, прямо под ребро. Таня тихо охнула.

— Больно, — шепнула она в темноту.

Малышка словно послушалась — успокоилась, притихла.

— Ты скоро родишься, — тихо произнесла Таня. — Уже скоро. Там, снаружи, пока холодно, но я тебя укутаю. У тебя есть чепчики — маленькие такие, Катя привезла. И ползунки. И кроватка тебя ждёт. Я её уже отмыла.

Она говорила в темноту, в глухую ночную тишину. Голос звучал едва различимо, почти шёпотом.

— Не знаю, хорошей ли я буду мамой. Честно — не знаю. Но я буду очень стараться. Больше ничего обещать не могу — только это.

Она умолкла. Комната отозвалась тишиной.

— Зато я никуда не уйду, — добавила она уверенно. — Вот это уж точно. Никуда и никогда.

В начале ноября, за несколько недель до родов, Тане снова передали новости.

Случайно — через ту же приятельницу, что рассказывала про Питер. Та написала что-то об общей компании и между делом упомянула: «Дима, кстати, вернулся. Видела его вчера в баре — с мужиками пиво пил, весёлый такой. Потом они вроде в клуб собирались, он там ещё с какой-то девчонкой...»

Таня прочитала. Отложила телефон. Потом взяла его снова, дочитала сообщение до конца — дальше шёл разговор о чём-то другом, к Диме уже не относящемся. Ответила на то, что требовало ответа.

И больше об этом не думала.

Не потому, что совсем не задело, — возможно, и полоснуло где-то с краю, по касательной. Но у неё просто не оставалось на это сил. Совсем. Шёл девятый месяц беременности, у неё немилосердно ломило спину, завтра с утра нужно было идти в консультацию на плановый осмотр, к тому же совершенно не было денег на новые колготки взамен тех, что она порвала вчера. У неё было слишком много своего, реального, тяжёлого — того, что требовало ежеминутного внимания. А Дима в баре пил пиво и шёл в клуб с девчонками.

Ну и пусть.

Пусть пьёт пиво. Пусть идёт в клуб. Пусть живёт как хочет

— хорошо, плохо, как угодно. Это его жизнь, и для Тани она окончательно оборвалась у сухого фонтана ещё в начале сентября. Всё. И всё же такие новости, они цепляли.

Она отложила телефон. Встала, прошла на кухню — надо было сварить суп, она давно собиралась, но всё откладывала. Набрала в кастрюлю воды, поставила на плиту. Начала чистить картошку.

Руки занялись делом. Голова — тоже, но своими, насущными мыслями. Она думала о том, что пора дособирать сумку в роддом. Что-то она туда ещё не доложила — кажется, какие-то документы. И пелёнки надо проверить, все ли на месте. И набрать Кате — та обещала, если что, отвезти её в роддом, даже если всё случится ночью. Нужно было ещё раз всё уточнить.

Нарезанная картошка ровными кубиками падала в кастрюлю. Таня резала аккуратно, она всегда так делала, даже когда торопилась. За окном стоял ноябрь — серый, промозглый, с дождём, который лил уже третий день подряд.

Она варила суп. За окном шёл дождь.

Где-то там, в барах и клубах, текла чужая жизнь чужого человека. А здесь были кастрюля, картошка, ноябрьская сырость и маленький человек внутри, который скоро появится на свет и которому нужна будет мама.

Мама — это она.

Она — мама.

Это слово больше не казалось огромным, чужим, не по

размеру. Оно постепенно становилось впору. Медленно, незаметно — как укладывается в сознании всё по-настоящему важное: не сразу, не вдруг, а по чуть-чуть, день за днём. Пока в один прекрасный день не окажется, что оно уже твоё и сидит на тебе как влитое.

Суп закипел.

Она убавила огонь.

В последние дни перед родами она почти не спала по ночам — не от страха, просто не получалось. Живот не позволял устроиться поудобнее, малышка непрерывно ворочалась, и Таня часами лежала в темноте, глядя в потолок.

В голову приходили самые разные мысли.

Она думала о том, каково это — впервые держать на руках собственного ребёнка. Ей доводилось видеть, как это делают другие: в парках, у подъездов, в очередях в поликлинике. Она замечала, как матери смотрят на своих детей — с каким-то особенным выражением лица, которому трудно подобрать верное слово. Это была не просто любовь. Что-то гораздо шире и глубже, какое-то совершенно иное её измерение, пока ещё незнакомое Тане.

Она думала о том, что её собственная мама когда-то точно так же держала её саму — маленькую, беззащитную. И у мамы, наверное, тогда было такое же лицо. Или не было? Таня не знала. Она совершенно не помнила себя в младенчестве — впрочем, этого никто не помнит.

Она размышляла: «Мама держала меня на руках. А по-

том что-то сломалось. Сама жизнь пошла наперекосяк». Но это вовсе не означало, что у неё всё тоже пойдёт наперекосяк. Как не гарантировало и обратного. Это просто значило, что нужно быть предельно чуткой. Нужно не спать — в ином, внутреннем смысле. Замечать каждую мелочь. Ничего не пропускать.

Ещё она думала над именем. Они с Димой так и не успели поговорить об этом — он исчез задолго до того, как пришла пора выбирать. Приходилось решать самой. Маша. Мария. Машенька. Хорошее имя — простое, русское, основательное. В нём чувствовалось что-то очень надёжное.

Маша.

Она словно примерила это имя, негромко произнеся в темноту:

— Маша...

И внутри будто отозвалось тихое, едва уловимое, но совершенно настоящее тепло.

— Маша, — повторила она чуть увереннее. — Ты будешь Машей. Договорились?

Малышка притихла. Должно быть, уснула.

— Вот и договорились, — улыбнулась Таня в темноте.

Она ещё долго лежала без сна, согретая этим именем внутри — Маша, Машенька, — и засыпала с одной мыслью: скоро. Уже совсем скоро.

Было страшно. И всё равно — скоро.

Однажды, всего за несколько дней до родов, она вышла

вечером во двор — просто глотнуть свежего воздуха. В последнее время она часто так делала: медленно прохаживалась вдоль дома туда и обратно, помня слова врача о пользе ходьбы. Ноябрь выдался холодным, и Таня натянула тёплую куртку. Та уже давно не застёгивалась и оставалась нараспашку, едва прикрывая огромный живот. Девушка глубоко вдыхала морозный воздух и сосредоточенно смотрела под ноги.

Навстречу ей шла молодая пара — примерно её ровесники. Парень нёс девушку на руках, та счастливо хохотала, а он что-то увлечённо ей рассказывал. Девушка закидывала голову и звонко смеялась. Он бережно опустил её на скамейку, сел рядом и ласково обнял за плечи. Они сидели вплотную друг к другу, шептались о чём-то своём и улыбались.

Таня замерла. Она стояла и смотрела на них — всего несколько секунд, — а затем резко развернулась и поспешила обратно. В подъезд. В лифт. На свой этаж.

Оказавшись в квартире, она застыла прямо в прихожей. Кое-как разулась и осталась стоять в носках на холодном полу. За дверью маминой комнаты царила глухая тишина — должно быть, та уже спала.

В прихожей было темно, свет Таня включать не стала.

И именно в этой темноте оно и накатило. Это был даже не плач — что-то гораздо более сокрушительное. Мощная волна поднялась откуда-то из самых глубин, из того тайного уголка души, который она все эти месяцы изо всех сил

удерживала на замке. Волна хлынула наружу, и Таня не стала сопротивляться. Она просто стояла в тёмном коридоре, прижавшись спиной к стене, и плакала — навзрыд, горько, некрасиво. Так плачут, когда оплакивают всё разом: когда каждая рана болит по-своему и невозможно понять, от какой именно больнее.

Она плакала о той счастливой паре на скамейке. О том, что осталась совершенно одна. О Диме — вернее, не о нём самом, а о несбывшемся: о том, кем он мог бы для неё стать, но так и не стал. О маме, которая спит за стеной и ни о чём не догадывается. О том, что она, с огромным животом, брошена в этой тёмной, пустой прихожей, и некому открыть дверь, обнять её и тихо спросить: «Что случилось? Ты в порядке? Я с тобой».

Малышка внутри заворочалась — толкнулась несколько раз подряд, настойчиво и ощутимо.

Таня опустила дрожащую ладонь на живот. Ощутила под пальцами это живое, упругое движение.

— Хорошо, хорошая моя, хорошо... — прошептала она сквозь слёзы. — Я здесь. Я с тобой.

Она постояла так ещё немного, а затем вытерла лицо ладонями. Нащупала клавишу выключателя и нажала её. Вспыхнувший свет в прихожей больно ударил по глазам, заставив её на секунду зажмурились. Затем Таня прошла на кухню, налила стакан воды и выпила его залпом.

Взглянула на настенные часы — стрелки близились к

одиннадцати.

Завтра нужно идти в женскую консультацию. Послезавтра — решать другие дела. Жизнь катилась по своему строгому расписанию, совершенно не интересуясь, готова ли Таня к её поворотам.

Она далеко не всегда была готова.

Но жизнь всё равно шла вперёд.

В последнюю ночь перед схватками она лежала и думала — спокойно, как давно уже не бывало. Что-то улеглось внутри — то самое, что долгие месяцы никак не могло найти места. Может, потому что финал был совсем близко — конец одного этапа и начало следующего. А может, просто усталость наконец взяла своё, а с ней порой приходит странное, спасительное спокойствие.

Она думала: «Я справилась. Вот со всем этим — с девятью месяцами. Одна, почти без поддержки, через токсикоз, больницы, исчезновение парня и невидимую стену с мамой. Справилась». Вот рядом стоит кровать, вот аккуратно сложенные пелёнки, вот крошечные чепчики в тумбочке. Всё сделано.

Значит, можно идти и дальше.

Значит, есть в ней что-то. Какой-то внутренний ресурс, о котором она и не догадывалась, пока он не понадобился. Он в ней был. Теперь она знала это наверняка.

— Маша, — тихо произнесла она в темноту. — Скоро увидимся.

Она закрыла глаза. И впервые за долгое время заснула быстро. Глубоко. Без снов.

А наутро всё началось.

Глава четвёртая. Роды

Последние две недели перед родами Таня жила так, как живут в ожидании чего-то неотвратимого.

Это ожидание нельзя было назвать нетерпением — слово неточное. И не страхом — тоже не то, хотя страх никуда не делся, он просто обжился рядом, став соседом, к которому привыкаешь настолько, что перестаёшь замечать. Скорее, это было внутреннее замирание. Так замирают перед прыжком в воду, когда уже стоишь на самом краю вышки: отступить бессмысленно, путь один — только вперёд, и ты понятия не имеешь, встретит тебя вода теплом или обожжёт холодом, глубоко там или нет. И ведь не узнаешь, пока не шагнёшь вниз.

Ноябрь давил глухой серостью — небо висело так низко, словно потолок в тесной каморке, а мокрый воздух насквозь пропитался запахами прелой листвы и сырого асфальта. Темнело рано: в четыре дня уже сгущались сумерки, в пять наступала глухая ночь. Таня никогда не любила ноябрь, но в этом году он казался особенно беспросветным, бесконечным. Будто намеренно растягивал дни, не подпуская декабрь, в котором должно было случиться главное.

Живот вырос таким огромным, что она уже забыла, как выглядят её собственные ноги. Стоило посмотреть вниз, и взгляд упирался в колоссальную, выпирающую округлость,

которая словно жила своей отдельной жизнью. Теперь Тане приходилось аккуратно огибать углы мебели, которых прежде она и не замечала, она то и дело не вписывалась в дверные проёмы и опускалась на стул с величайшей осторожностью — так садятся люди, несущие внутри что-то очень хрупкое.

Спать стало невозможно. Какую бы позу она ни принимала, через пару минут тело начинало ныть, затекать и наливаться тяжестью. Она просыпалась по три-четыре раза за ночь. Вставала. Тяжело брела в туалет. Снова ложилась. Смотрела в темноту.

И в этой темноте — разговаривала.

К ночным беседам с малышкой она давно привыкла. Шептала тихо, почти беззвучно, одними губами — так говорят с кем-то, кто спит на соседней подушке и кого боишься разбудить.

— Ты там, я вижу, совсем не торопишься, — шептала она. — А зря. Мне уже очень тяжело.

Малышка откликалась по-своему: толкалась, лениво переворачивалась, устраиваясь поудобнее. Иногда эти движения становились такими мощными, что живот ходил ходуном, напоминая, что внутри — чужая, самостоятельная жизнь. Впрочем, почему чужая? Настоящая.

— Ладно, — сдавалась Таня. — Ладно. Появляйся, когда будешь готова.

Сумка в роддом стояла собранной в углу уже недели две.

Таня то и дело перебирала её: доставала вещи, проверяла и укладывала обратно. Документы — паспорт, обменная карта, полис — лежали в отдельном кармашке, она могла нащупать их с закрытыми глазами. Детские вещи — чистые, выглаженные — казались невероятно, пугающе крошечными. Она держала их на ладони и всякий раз думала об одном и том же: неужели во всё это действительно поместится живой человек? Маленькие распашонки, носочки размером с её большой палец... Она ради интереса натягивала чепчик на кулак и долго смотрела на него.

Крошечная. Какая же она там ещё маленькая.

Катя звонила каждые два-три дня: «Как ты? Ничего не началось?» — «Нет». — «Ну, я на связи, в любое время набирай, я сразу приеду». Таня отвечала: «Хорошо». А потом долго гипнотизировала экран телефона, прокручивая в голове: «Она приедет. Она пообещала». Это знание было осязаемой, прочной нитью, которая удерживала её на плаву. Катя приедет.

Мама безучастно проходила мимо, изредка бросая на ходу: «Ну что, ещё нет?» Таня качала головой: «Нет». Мама кивала и шла по своим делам. Но однажды вечером — неожиданно, без предупреждения — она зашла в Танину комнату и остановилась в дверях. Таня сидела на кровати с книгой. Мама молча разглядывала её, а потом глухо спросила:

— Ты ешь-то нормально?

— Нормально.

— Ну ладно, — мама потопталась на пороге. — Всё будет. И ушла. Это было всё. Два коротких слова — «всё будет», — брошенные в пустоту без всякой интонации и тепла. Но Таня смотрела на закрывшуюся дверь и думала: «Она зашла. Всё-таки зашла и сказала». Для мамы и это, наверное, было огромным шагом.

По ночам страх неизменно выбирался наружу.

Днём ей удавалось загонять его на самое дно — домашними делами, постоянным движением, тихими разговорами с самой собой, чтением. Но ночью, когда некуда было бежать и не на что отвлечься, он поднимался. Это был детальный, предельно конкретный страх. Таня много читала, изучала медицинские статьи и теоретически знала, как устроены роды. Но в два часа ночи эта сухая теория превращалась в пугающе живые картины, которые невозможно было остановить.

Боль. Она до ужаса боялась боли — и вовсе не от слабости характера, просто ей никогда ещё не приходилось испытывать ничего подобного. При свете дня она охотно верила книжным строчкам вроде: «это терпимо», «с этим можно справиться», «так задумано природой». Но ночью вера испарялась. Ночью перед глазами стояли чужие рассказы о том, как женщины кричат в родблоках. Кричат часами, выбиваясь из сил.

Или страх того, что всё пойдёт не так. Этот подлый, тихий ужас подкарауливал её именно в тот момент, когда она уже погружалась в сон. Вдруг случится что-то непоправи-

мое? Вдруг она не выберется из этого? Или малышка не справится? Какая-нибудь страшная медицинская непредвиденность... Таня изо всех сил гнала эти мысли, но они упрямо возвращались.

И, наконец, страх совсем другого рода — страх перед тем, что ждёт её после выписки. Когда она окажется на улице с младенцем на руках. Совершенно одна. Вернётся в квартиру, где за стеной спит глухая к чужим бедам мама, которая и не подумает помогать. Почти без денег. Без малейшего опыта. Без поддержки — только она и ребёнок.

Как?

На этот вопрос у неё не было ответа. Были только эти бесконечные, тёмные ночи, в которых страх, казалось, осязаемо бродил по комнате и прикасался ко всему, что попадалось ему под руку.

Однажды ночью — примерно за неделю до назначенного срока — она лежала без сна и вдруг поймала себя на мысли об отказе. Снова. Мысль пришла ниоткуда, без приглашения, и в этот раз была пугающе чёткой, не такой абстрактной, как на первых месяцах. Таня отчётливо представила: вот роды позади. Ей протягивают ребёнка, а она качает головой. Или просто молча уходит одна. Возвращается в пустую квартиру. Живёт как прежде — учится, работает, молодая, свободная, без всей этой неподъёмной ноши. Ведь так бывает. Люди отказываются от детей.

Она лежала, парализованная этой мыслью. Затем медлен-

но опустила ладонь на живот.

Малышка внутри толкнулась — раз, другой. И затихла.

И страшная мысль испарилась. Сама. Не потому, что Таня прогнала её усилием воли, а просто исчезла за ненадобностью. Потому что вот — ладонь на животе, вот — живой отклик под пальцами, вот — она. Живая. Её. И от этого простого физического ощущения мысль об отказе стала не постыдной или преступной, а просто органически невозможной. Будто ей предложили добровольно отрезать собственную руку.

— Я заберу тебя, — тихо прошептала она в темноту. — Заберу. Не знаю как, но я тебя заберу.

Малышка не ответила. Должно быть, заснула.

Таня закрыла глаза. За окном стояла глубокая ноябрьская ночь. И где-то там, в этой огромной, безмолвной темноте, уже зрело то, чему суждено было случиться. И Таня тоже ждала. Страх не исчез совсем — он просто послушно отступил на шаг. Встал в стороне, освобождая место чему-то гораздо более важному.

В ночь со вторника на среду она легла рано. Устала — по-настоящему, тяжёлой телесной усталостью. Поужинала, немного почитала и уснула почти сразу, что в последние недели было огромной редкостью. Спала крепко, глубоко, без снов.

А в четыре двадцать три — она точно запомнила это время, потому что первым делом взглянула на экран телефона

— её что-то разбудило.

Не боль. Пока ещё не боль. Что-то другое, похожее на натяжение. Словно внутри туго, до предела натянули невидимую струну, подержали секунду и медленно отпустили. Она лежала, замерев, и чутко прислушивалась к себе. Тишина. А затем — снова. То же самое. Нарастающее, тягучее, плавное сжатие — и постепенное расслабление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.